

В. А. МИЛЬЧИНА

ТЮТЧЕВ И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(заметки к теме)

Несмотря на то, что интерес Тютчева к французской культуре общепризнан¹, специальные разыскания в этой области весьма немногочисленны². Предлагаемые заметки посвящены некоторым очевидным, на наш взгляд, свидетельствам литературных контактов Тютчева с современными ему французскими писателями и мыслителями. Нет нужды уточнять, что речь идет не о подчинении Тютчева концепциям французских авторов, но лишь о некоторых точках соприкосновения — закономерном следствии интереса Тютчева к европейской культуре его времени.

1. Тютчев и Жозеф де Местр

Имя французского философа и публициста Жозефа де Местра (1753—1821) уже упоминалось в связи с Тютчевым в прессе конца 1840 — начала 1850-х годов³, в мемуаристике (И. С. Гагарин заметил, что Тютчев играл в петербургских салонах «роль какого-то православного Жозефа де Местра»⁴) и научной литературе⁵. Однако до сих пор речь шла в основном об общем интересе Тютчева к идеям французского мыслителя; вопрос о цитатах и реминисценциях из Местра в лирике Тютчева не ставился. Между тем для ряда стихотворений можно указать довольно точные соотвествия в известных книгах Местра «Санкт-петербургские вечера» и «О папе», а также в его письмах.

Основанием для сопоставления является в данном случае и обилие упоминаний о Местре в письмах Тютчева, и наличие биографических обстоятельств, при которых Тютчев наверняка слышал о Местре от людей, близко его знавших. Можно предположить, что личность Местра и его взгляды были предметом бесед Тютчева с князем П. Б. Козловским, в котором, судя по новейшей публикации⁶, он в начале своего пребывания в Германии видел не просто светского знакомого, но учителя и духовного наставника. Козловский был чиновником русской миссии (1803—1812), а затем чрезвычайным посланником (1812—1818) при дворе сардинского короля Виктора-Эммануила I в те годы, когда Местр занимал место сардинского посланника при русском дворе (1803—1817); личное знакомство двух дипломатов произошло весной 1812 г., во время приезда Козловского в Петербург⁷, и было, по всей вероятности, продолжено в Турине, где Местр поселился после того, как по настоянию русского правительства был отозван из Петербурга. Переписка двух посланников касалась отнюдь не только дипломатических вопросов; в частности, Козловский советовал Местру написать книгу о России⁸.

С Туринном, где Местр провел последние годы жизни, связан и один из этапов дипломатической карьеры Тютчева (1837—1839); не исключено, что русский поэт слышал здесь какие-то воспоминания об авторе «Размыш-

лений о Франции» и «Санкт-петербургских вечеров». Среди российских знакомых Тютчева следует отметить престарелую чету Местров — младшего брата Жозефа де Местра Ксавье (1763—1852), писателя-сентименталиста, в 1813 г. женившегося на фрейлине С. И. Загряжской и до конца дней жившего в России⁹, а также баварского посланника в 1850—1859 гг. графа Отто-Камилуса-Юго де Брэ¹⁰, сына графа Франсуа-Габриэля де Брэ (1765—1832), близкого знакомого Местра, послужившего прототипом одного из персонажей «Санкт-петербургских вечеров» — Шевалье. Старший де Брэ, также занимавший место баварского посланника при русском дворе (1799—1801, 1805—1806, 1808—1812, 1815—1820), последние годы жизни (1828—1832) провел в Баварии, — таким образом, не исключена возможность и его контактов с Тютчевым, который в эти годы, как известно, состоял при русской дипломатической миссии в Мюнхене.

К. В. Пигарев назвал тютчевскую систему славянского единства «системой де Местра наизнанку»¹¹. Однако идеи Местра преломились не только в работах Тютчева-публициста, но и в стихах.

Общепризнано, что стихотворение «*Male Agia*» (1830) восходит к описанию Рима в романе госпожи де Сталь «Коринна» (1807, ч. V, гл. 3)¹². Однако строки:

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие незримо
Во всем разлитое, таинственное зло,—

являются одновременно своеобразной вариацией излюбленного теоретического положения Местра, наиболее четко выраженного в книге «Санкт-петербургские вечера» (1821): «...мы испорчены новой философией, которая сказала нам, что *все к лучшему*, между тем как все осквернено и гораздо вернее было бы сказать, что *все к худшему* <дословно: что *все есть зло*>, поскольку ничто не находится на своем месте»¹³. «Санкт-петербургские вечера», имеющие подзаголовок «Беседы о временном правлении Провидения», посвящены прежде всего вопросу о том, отчего в мире существует зло и каким образом злые люди претерпевают наказание за грехи и преступления не в мире ином, а здесь, на земле. По мысли Местра, «физическое» зло в земной жизни (болезни, утраты и пр.) — это наказание грешникам, как тем, кто очевидно преступны, так и тем, кто на первый взгляд добродетельны, но все равно несут на себе печать своей грешной земной природы. Концовка стихотворения «*Male Agia*» с ее идеей «услаждения» последней муки резко расходится с Местром которому подобный предсмертный «гедонизм» был чужд, однако образы разлитого повсюду Зла и Божьей Кары вполне созвучны «Санкт-петербургским вечерам». Заметим, что в соответствующем месте романа «Коринна» упоминания о Зле и Божьей каре отсутствуют.

Следы знакомства с идеями Местра заметны и в стихотворении «На новый 1855 год» («Стоим мы слепо пред судьбою...»):

...В громах родится Новый год...
Черты его ужасно-строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Несет он миру на земле!

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно обдуманый удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой несет он два меча:
Один — сражений меч кровавый,
Другой — секиру палача.

Все комментаторы единодушны в утверждении, что тютчевская приписка к этому стихотворению в альбоме Г. П. Данилевского: «Вы спрашиваете, милый поэт мой, нет ли у меня мысли о наступающем годе?.. У меня собственно — никакой. Но вот вам мысль — *чужая*. Чья же именно?.. Это довольно трудно объяснить, да и не нужно», — содержит намек на модное в то время увлечение спиритизмом. Наряду с этим комментарием приводится и точка зрения дочери поэта Анны Федоровны, уверенной, что все мысли, высказанные в стихотворении, полностью принадлежат Тютчеву¹⁴. Между тем более чем вероятно, что, называя идею стихотворения «чужой», Тютчев имел в виду автора «Санкт-петербургских вечеров».

Писательская манера Местра отличалась резкостью и парадоксальностью, которые нередко переходили в намеренное эпатирование читателя. К таким дразнящим утверждениям относятся и некоторые пассажи из первой и седьмой бесед «Санкт-петербургских вечеров», посвященные палачу и воину. По мысли Местра, «мозг и сердце палача устроены не так, как у прочих смертных; в нем есть нечто особенное, чуждое нашей природе <...> он живет среди нас по особому велению Творца»¹⁵. «Секира правосудия, у которой нет ножен, поскольку она всегда должна грозить или карать»¹⁶, — это земное воплощение высшего суда, божественного воздаяния, лишь поэтому палач и устаивается у Местра столь высоких похвал, к которым, впрочем, примешана доля ужаса и отвращения. По Местру, руками палача и воина Провидение осуществляет свое «временное правление». Очевидно, что именно эта концепция нашла отражение в стихотворении «На Новый 1855 год». Здесь есть и упоминания воина и палача («сражений меч кровавый», «секира палача»), и мотив «божьих кар», и восприятие войны как своеобразного искупления целого народа, дающего ему право на дальнейшее возрождение (новый год несет «не одни войны тревоги», он «не просто» воитель, хотя и принес с собой мечи).

2. К источникам стихотворения «Смотри, как на речном просторе...»

24 июля 1807 г. Жозеф де Местр писал графу д'Аваре, доверенному лицу графа Прованского, будущего короля Франции Людовика XVIII: «Великая революция разразилась по воле Провидения; необходимо, чтобы она завершилась. <...> Тем не менее я не фаталист, Боже меня сохрани. *Человек должен действовать, как будто способен на все, и смиряться, как будто ни на что не способен*. Вот в чем состоит, как мне кажется, фатализм мудрости. Если человек упадет в реку, он *непременно* должен плыть, ибо если он не будет плыть, он *непременно* утонет; но из этого не следует, что он приплывет туда, куда хочет, поскольку у потока свои права. Мы все погружены в поток, а во время революции он мчит свои воды еще быстрее. Будем же плыть, господин граф, и, если нам хватит сил (в чем я вовсе не уверен), мы приплывем к неведомым берегам»¹⁷. Образ человека в потоке вообще характерен для Тютчева (ср. в письме И. С. Гагарину от 2 мая 1836 г.: «В настоящее время вы, должно быть, покинули берег. Вы, вероятно, вступили в поток»¹⁸, а также в стихотворении «Когда дряхлеющие силы...», 1866: «От желчи горького сознанья, Что нас поток уж не несет...»). Однако в стихотворении «Смотри, как на речном просторе...» символика тела, влекомого потоком, фигурирует в совершенно определенном контексте — она, как и у Местра, используется для решения вопроса о свободе воли, причем в финальном четверостишии тела в потоке — льдины — уподобляются человеку:

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
Льдина за льдиною плывет.

На солнце радужно блистая,
Иль ночью, в поздней темноте,
Но все, неизбежно тая,
Они плывут к одной метѣ.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия,—
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Стихотворение «Смотри, как на речном просторе...» было опубликовано в «Москвитянине» в 1851 г. (№ 11; июнь; цензурное разрешение отсутствует). «Неизданные письма и произведения графа Жозефа де Местра», в которых было опубликовано цитированное выше письмо, появились в продаже в конце мая 1851 г. (книга зарегистрирована в «Библиографи де ла Франс», № 24, 14 июня 1851 г.; рецензия на нее, принадлежащая перу Сент-Бева, была напечатана в газете «Конститусьонель» 2 июня 1851 г.). Если предположить, что книга эта попала в поле зрения Тютчева сразу после того, как поступила в продажу¹⁹, а при благоприятном стечении обстоятельств она могла оказаться в России через неделю после выхода из печати, и принять гипотезу о том, что анализируемое стихотворение содержит реминисценцию из Местра, тогда появятся основания слегка изменить его датировку. Обычно «Смотри, как на речном просторе...» предположительно датируется весной 1851 г., однако возможно, что наряду с жизненными впечатлениями (картина весенней природы — ледохода) Тютчев положил в его основу впечатления книжные, и в этом случае стихотворение следует датировать июнем 1851 г.

Тело в потоке как символ свободы или несвободы человека — не единственный момент в этом стихотворении, для которого может быть указана французская параллель. Другим таким моментом являются строчки:

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я...

В предисловии ко второму тому книги «Опыт о равнодушии в области религии» (1-е изд. 1817—1823) в издании 1828 г. французский философ Ф.-Р. де Ламенне писал: «Что, в конечном счете, делают люди, которые признают что бы то ни было, лишь полагаясь на свидетельства собственного разума? Они верят в самих себя. <...> Но разве разумнее и надежнее говорить: „Я верю в себя“²⁰, чем: „Я верю в род человеческий“? Если эти два авторитета вступают в спор, кому из них отдать предпочтение, вашему разуму или разуму человечества? <...> Здравый смысл всегда называет *безумием* поведение тех, кто отдает предпочтение своему разуму перед разумом других людей, и, чтобы обличить одной фразой тупое упрямство или безрассудную гордыню, мы всегда говорим только одно: „Этот человек верит только в самого себя“. <...> Кто поручится, что наш ум не обманут своими убеждениями? Верить религии только потому, что в ее истине убежден наш ум, значит верить в самого себя, а у этой одинокой веры нет ни совершенства, ни твердости. Столь же непостоянная, сколь и мысли человеческие, она — не более чем сон об истине, мало чем отличающийся от химер, искушающих человека»²¹ (ср. у Тютчева «нашей мысли обольщенье»).

Работы Ламенне, этого, как выразился один французский исследователь, «теологического Байрона»²², были во второй половине 1820-х годов объектом бурной полемики на страницах газет и журналов эпохи Рестав-

рации, которые Тютчев постоянно читал во время своего пребывания в Мюнхене²³. С Мюнхеном же связан один из важнейших эпизодов биографии Ламенне: в августе 1832 г. он вместе с другим проповедником обновленного католицизма, своим другом и в ту пору единомышленником Монталамбером, приехал в столицу Баварии; среди мюнхенских встреч Ламенне особенный интерес представляет его продолжительная беседа один на один с Шеллингом, который в ту пору относился к французскому философу с интересом и симпатией. В Мюнхене же во время прощального банкета, устроенного ему местными почитателями, Ламенне получил из Рима известие об энциклике «*Mirari vos*», осуждающей все те принципы, которые он отстаивал²⁴. Все эти события, конечно, не могли пройти мимо внимания Тютчева, находившегося в эту пору в Мюнхене. Имя Ламенне почти наверняка попадало в поле зрения Тютчева и позже. В 1844 г., когда поэт в течение трех месяцев (май — август) был в Париже, здесь начало выходить второе «Полное собрание сочинений» французского философа (проспект этого издания был напечатан в «Библиографии де ла Франс», № 23, 8 июня 1844 г.). В конце 1830-х и в 1840-х годах Ламенне, чьи взгляды к этому времени приблизились к христианскому социализму, был широко известен как автор книги «Речи верующего» (1834), популярной среди сторонников утопического социализма; своих поклонников это сочинение, запрещенное царской цензурой, имело и в России. Так, чтение А. П. Милюковым перевода из «Речей верующего» на одном из собраний у С. Ф. Дурова ставилось в вину петрашевцам²⁵.

Таким образом, имя Ламенне не однажды могло привлечь к себе внимание Тютчева; тем больше оснований предположить, что осуждение своей власти человеческого «я» у Ламенне является одним из источников сходного осуждения «принципа личности, доведенного до какого-то болезненного неистовства»²⁶, у Тютчева. Заметим, что близкие параллели к цитированному фрагменту Ламенне обнаруживаются не только в стихотворении «Смотри, как на речном просторе...», но и в статьях Тютчева (ср., например, в статье «Россия и Революция»: «Человеческое я, которое желает зависеть лишь от самого себя, которое не признает и не принимает никакого закона, кроме собственного изволения, одним словом, человеческое я, которое заменяет собою Господа...»²⁷).

3. О стихотворении «Наш век»

Наибольшее количество мотивов, восходящих к Жозефу де Местру и Ламенне, переплелись в стихотворении «Наш век» («Москвитянин», 1851, № 16; написано 10 июня этого года):

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней *не просит*.

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

«Введение» Ламенне к его «Опыту о равнодушии в религии» начинается следующими словами: «Самый больной век — не тот, который заблуждается, а тот, который равнодушен к истине, который презирает ее <«исти-

на» у Ламенне означает «вера»). Там, где видны сильные страсти, там еще есть сила и, следовательно, надежда, но когда всякое сильное чувство погасло, когда пульс больше не бьется, когда холод сковывает сердце, чего остается ждать, кроме скорого и неизбежного истления?»²⁸ (ср. у Тютчева: «безверием палим и иссушен...»).

«Первая причина этой постыдной деградации,— продолжает Ламенне,— не столько слабость нашего духа, сколько его рабская зависимость от нашего тела»²⁹ (ср. у Тютчева: «Не плоть, а дух растлился в наши дни...»), «Человек любит истину и ее же боится; жаждет, ищет ее, повинаясь естественной склонности своего сердца, равно как и собственной тяге к благополучию, но, обретя ее, нередко устает от ига истины и негодует на то, что обрел ее»³⁰ (ср. у Тютчева: «Он к свету рвется из ночной тени И, свет обретши, ропщет и бунтует»).

Продолжая свой анализ духовного мира современного человека, который, выражаясь тютчевскими словами, «выносит невыносимое» и тоскует, раздираемый противоречиями, Ламенне пишет: «В каждом человеке и, следовательно, в каждом народе, противоборствуют две силы: чувство и разум или, если воспользоваться истинно философским языком наших священных книг, плоть и дух»³¹. Поясняя эту антитезу плоти и духа, аналогичную той, с которой начинается «Наш век», Ламенне ссылается на послание к Галатам (5, 17): «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы». Этот мотив человека, поступающего наперекор собственной воле, играет большую роль и в «Нашем веке». Пользуясь другим, также крайне важным для этого стихотворения противопоставлением свет — тьма, Ламенне описывает состояние человека, который «свет обретши, ропщет и бунтует»: «Ум его затмевается, но ему кажется, что это происходит слишком медленно, поэтому он с чрезвычайным рвением старается погрузить его в еще большую темноту! <...> Он яростно нападает на истину, неустанно преследует ее то в других, то в самом себе, в собственном уме, сердце, совести. Напрасные усилия!»³². Наконец, с финалом «Нашего века» перекликается описание мучительной невозможности пойти навстречу истине у Ламенне: «Необъяснимое оцепенение людей нашего времени! Чем громче обращенный к ним голос, тем более они ожесточаются, чем больше усилий делает истина, чтобы вернуть их, тем равнодушнее они к ней»³³.

Сходное состояние — тоска, жажда веры и невозможность обрести ее, отсутствие уверенности не только в себе, но и в своих желаниях — описано Ламенне и в уже упоминавшемся предисловии 1828 г. ко второму тому «Опыта о равнодушии»; речь там идет о современных людях, которых «нельзя назвать неверующими; напротив, мысли и желания влекут их к религии, и тем не менее что-то мешает им приблизиться к ней; им не хватает сил; они изнемогают, они не в силах обрести твердую и неколебимую веру. <...> Люди хотят иметь новую религию, но не знают, какую; новую форму общества, но не знают какую; новое законодательство и новые нравы, но не знают, какие именно — печальный симптом утраты всякого смысла и общественного разума!»³⁴ (ср. у Тютчева: «Он к свету рвется из ночной тени И, свет обретши, ропщет и бунтует»).

Ламенне не только подчеркивает противоречие между порывом к истине и отращением от нее, но и обыгрывает, как позднее Тютчев, метафору «истина» («вера») — «свет» (ср. приведенные выше слова о затемняющемся взоре). Ту же самую метафору применительно к духовному миру современного человека использует и, так сказать, «реализует» Жозеф де Местр. Во второй беседе «Санкт-петербургских вечеров» он отмечает, что неспособность современного человека воспринять истину воплощается в его неспособности смотреть на солнце (солнце здесь — не только природное светило, но и символ того «света», к которому безнадежно стремится человек у Тютчева).

Еще один существенный мотив, который роднит портреты современного человека у Местра, Ламенне и Тютчева — это мотив невозможности *захотеть*, сказать: «Впусти меня», развитый у Тютчева в последнем четверостишии. Местр развивает эту тему безволия современного человека, его неумения определить свои желания и направить их по верному пути, во второй беседе «Санкт-петербургских вечеров»: «Человек не знает, чего хочет; он хочет того, чего не хочет. Он не хочет того, чего хочет; он *хотел бы хотеть*»³⁵. Любопытно, что в другом месте той же книги (беседа четвертая), рассуждая на сходные темы, Местр ссылается на евангелие от Луки (13, 24): «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не возмогут», — и это речение близко тютчевскому «Не скажет век... перед замкнутой дверью...» в той же, если не в большей степени, что и строки из евангелия от Марка (9, 23—24), традиционно упоминаемые в примечаниях к «Нашему веку».

Заметим, что мысли, близкие по тону «Нашему веку», возникали и у некоторых других русских читателей Ламенне. Так, Д. Ф. Фикельмон, внимательно и сочувственно изучавшая газету «Авенир» («Будущее»), которую Ламенне издавал в октябре 1830 — ноябре 1831 г., записала в дневник 6 ноября 1830 г.: «...накануне первой французской революции наблюдались чрезвычайная развращенность нравов и отвратительный либертинаж, которым суждено было разрушить основания общества и породить большие несчастья, а теперь ужасает развращенность умов, непристойность идей, невообразимый нравственный хаос, неподчинение всем старинным правилам, всему, что свято, всему, что исполнено покоя»³⁶ (мысль здесь та же, что и в «Нашем веке»: *растлилась не плоть, а дух*). Во время своего приезда в Петербург летом 1830 г. Тютчев встречался с Фикельмон³⁷, поэтому в цитированной дневниковой записи позволительно видеть отзвук их петербургских бесед.

В заключение отметим, что сам контекст, в котором употреблено у Тютчева «заглавное» слово «век», может быть назван своего рода «галлицизмом», заимствованным не из определенных французских текстов, а из французского словоупотребления в целом. Во французском языке одно из значений слова «век» — мирская жизнь, изменяющаяся с течением времени, в противоположность религии, чьи ценности не подвержены переменам. В XVIII и первой половине XIX в. многие французские авторы употребляют слово «век» без каких бы то ни было пояснений и уточнений в значении «век рационализма и неверия» (см., например, у Казота: «Люди, которые мнят себя просвещенными, все прочли, все вычислили. Их век сияет. Однако, на мой взгляд, даже если у них длинный нос, ни в одной важной области они не видят дальше собственного носа»³⁸, или у Нодье: «Вольтер <...> был не просто главой литературы, но главой партии или, если воспользоваться принятым ныне выражением, главой века»³⁹). Другая особенность французской трактовки «века», связанная как с особенностями французского языка, где абстрактные существительные используются в качестве субъектов действия чаще, чем в русском, так и с упомянутой выше идеологической интерпретацией, заключается в том, что век (причем чаще всего именно век безверия и разочарования) выступает здесь зачастую как действующее лицо, как синоним «поколения». Например, в сборнике В. Гюго «Оды и баллады» ода «Видение» (впервые в изд. 1822; I, 10) представляет собой диалог между Голосом свыше и Веком, который вначале молит о прощении за свои прегрешения и вольнодумство, а когда Голос называет его отверженным и проклятым веком, решает остаться верным своим заблуждениям и забыть о раскаянии. Приведем также эпиграф из Ламенне (I), предваряющий этот сборник Гюго: «Что-то велит мне заговорить и бросить вызов своему веку» (ср. также в рецензии Сент-Бева на издание «Од и баллад» 1826 г. своего рода парафразу этого эпиграфа: «Гюго, этот Ламенне поэзии, обвиняющий свой век»⁴⁰).

В первой публикации стихотворения «Наш век» в «Москвитянине»

первая строчка последнего четверостишия читалась иначе, чем в современных изданиях: «Не скажет век, с молитвой и слезой...» Написание это было результатом опечатки; в автографе, как отметил К. В. Пигарев, четко читается «ввек»⁴¹. Однако восприятие века как единого героя стихотворения задано его заглавием, поэтому опечатка, несмотря на свое несоответствие автографу, была верна духу стихотворения в целом. Кроме того, для Тютчева вообще характерно подобное (опять-таки являющееся по своему происхождению галлицизмом) употребление абстрактного неодушевленного существительного в качестве субъекта действия (ср. в «Безумии»: «Безумье жалкое живет <...> Оно стеклянными очами Чего-то ищет в облаках...»).

Обе названные особенности употребления слова «век» — и использование его в значении «век неверия», и отношение к нему как субъекту действия, одушевленному существу — присутствуют у Тютчева не только в стихотворении «Наш век». Ср.: «В наш век отчаянных сомнений. В наш век, неверием большой...» («Памяти М. К. Политковской», 1872); «О этот век, воспитанный в крамолах, Век без души, с озлобленным умом» («Хотя б она сошла с лица земного...», 1866).

4. К литературной генеалогии «водоискателя»

Уже неоднократно отмечалось, что образ людей, наделенных способностью «чувять-слышать воды <...> в темной глубине земной», возникающий в лирике Тютчева дважды, около 1830 г. («Безумие») и в 1862 г. («Иным достался от природы...»), навеян «мистической символикой»; однако, за исключением Н. Я. Берковского, высказавшего предположение, что в «Безумии» Тютчев полемизирует с Шеллингом и его последователями⁴², никто не пытался уточнить, откуда именно появилась у Тютчева фигура водоискателя.

Представляется, что одним из таких источников могло быть упоминание водоискателей в книге госпожи де Сталь «О Германии» (1810, изд. 1813). В главе «О немецкой поэзии» (ч. 2, гл. 13) де Сталь, говоря о балладе Гете «Рыбак», замечает: «Говорят, что некоторые люди умеют узнавать о существовании подземных ключей по содроганию, происходящему в их нервах; в немецкой поэзии часто ощутима эта чудесная симпатическая связь между человеком и стихиями. Немецкий поэт понимает природу не только как поэт; он относится к ней по-братски; кажется, будто он связан родственными узами с воздухом, водой, цветами, деревьями, — словом, со всеми первозданными красотами. <...> Человеку даны такие ощущения, такое потустороннее могущество, которое уподобляет его солнечному свету, ночи, буре: именно эта таинственная связь нашего существа с чудесами окружающего его мира сообщает поэзии истинное величие. Поэт способен восстанавливать с помощью своего воображения порвавшуюся связь между физическим и духовным миром»⁴³.

На русский язык балладу «Рыбак» перевел В. А. Жуковский. Его стихотворение, написанное в январе 1818 г., было опубликовано в сборнике «Für Wenige» (1818, № 1), а затем перепечатано в «Сыне отечества» (1820, ч. 64, № 36). Для нашей темы существенно, что в русском «Рыбаке» есть образ, присутствующий и в «Безумии»:

Не часто ль солнце образ свой
Купает в лоне вод?
Не свежей ли горит красой
Его из них исход?
*Не с ними ли свод неба слит
Прохладно-голубой?*
Не в лоно ль их тебя манит
И лик твой молодой?⁴⁴
(курсив наш. — В. М.)

Там, где с землею обгорелой
 Слался, как дым, небесный свод,—
 Там в беззаботности веселой
 Безумье жалкое живет
 (курсив наш. — В. М.).

Сливающийся с поверхностью (в первом случае водной, во втором — земной) небесный свод и противопоставление убежища (прохладной воды) солнечному зною роднит «Безумие» Тютчева с «Рыбаком» Гете — Жуковского; образ водоискателей — с разбором гетевского «Рыбака» у де Сталь.

Разбор этот был полностью процитирован в ходе бурной полемики о «Рыбаке» Жуковского, развернувшейся на страницах русских журналов в 1821 г. Напомним обстоятельства этого спора⁴⁵. О. М. Сомов опубликовал в «Невском зрителе» (1821, № 1) под псевдонимом «Житель Галерной гавани» статью «Письмо к г. Марлинскому», где подверг балладу Жуковского язвительной критике (особенные нарекания Сомова вызвал, между прочим, «прохладно-голубой» свод неба). За «Рыбака» вступился Ф. В. Булгарин, поместивший в «Сыне отечества» (1821, ч. 68, № 9) «Ответ на письмо к г. Марлинскому, писанное Жителем Галерной гавани». Очень высоко ставя и перевод Жуковского, и оригинал — балладу Гете, Булгарин среди прочих аргументов сослался на авторитет сочинительницы книги «О Германии»: «Известная г-жа де Сталь (которой мнение дозволено поставить выше мнения Неизвестного Рецензента) говорит о ней <балладе Гете>...» — и далее Булгарин приводит по-французски и по-русски обширный фрагмент, посвященный «Рыбаку», включая и фразы, процитированные нами выше⁴⁶. В 1821 г. Тютчев жил в Москве, учился в университете, обсуждал со своими собеседниками статьи из русских журналов⁴⁷, и маловероятно, чтобы он не обратил внимания на полемику о «Рыбаке».

Связь лирики Тютчева с творчеством Гете — факт установленный и общепризнанный⁴⁸; однако среди текстов Гете, привлекаемых для сопоставления с тютчевскими, баллада «Рыбак» до сих пор не фигурировала. Само по себе сходства атмосферы «Рыбака» и «Безумия» (оба стихотворения посвящены человеку, «зачарованному», сведенному с ума водной стихией) было бы, вероятно, еще недостаточно, чтобы настаивать на этой параллели. Однако упоминание о «водоискателях» в книге госпожи де Сталь, а также тот факт, что фрагмент из этой книги был использован и подробно процитирован в ходе полемики о русском «Рыбаке», позволяет предположить, что среди источников «Безумия» (или, говоря осторожнее, импульсов к его созданию) была и гетевская баллада. Что же касается оценки самой фигуры водоискателя, то она в «Безумии» весьма скептически и потому далека от той, которая дана в книге де Сталь; к этой последней, напротив, приближается по интонации позднее стихотворение Тютчева, использующее тот же мотив («Иным достался от природы...»).

5. «Крылатое выражение» у Гюго и Тютчева

Если у русскоязычной лирики Тютчева нередко обнаруживаются существенные французские параллели, то тем больше оснований искать подобные параллели для французских стихотворений поэта.

Одной из таких «цитат» из французской поэзии является, по всей вероятности, финальная строчка стихотворения «Vous, dont on voit briller dans les nuits azurées...» (1850). Эта строчка: «C'est l'immortel salut de ceux qui vont mourir» является французским переводом латинской фразы: «Ave, Caesar, morituri te salutant» — приветствия римских гладиаторов, обращенного к императору, которое засвидетельствовано у Светония («Божественный Клавдий», 21). Давно ставшая «крылатым выражением»,

эта фраза, в отличие от некоторых других латинских речений, бытующих в переводе на новые языки, цитируется, как правило, на латыни. Это касается не только русского⁴⁹, но и французского языка. Между тем во французской поэзии XIX в. есть стихотворение, которое, подобно тютчевскому, завершается французским переводом латинского приветствия гладиаторов, причем переводы почти полностью совпадают. Мы имеем в виду оду В. Гюго «Песнь цирка» из книги «Оды и баллады» (впервые в изд. 1824; IV, 11). Первая и последняя строфа этого стихотворения звучат следующим образом:

César, empereur magnanime,
Le monde, à te plaire unanime,
A tes fêtes doit concourir.
Eternel héritier d'Auguste,
Salut! prince immortel et juste,
César! soit salué par ceux qui vont mourir!

Цезарь, великодушный император,
Мир, единодушный в желании нравиться тебе,
Должен принимать участие в твоих празднествах!
Вечный наследник Августа,
Привет! бессмертный и справедливый властитель,
Цезарь! привет тебе от тех, кто идет умирать!

Отметим, что в этом же сборнике Гюго есть ода («Вандея», I, 2), эпиграфом к которой служит то же самое крылатое выражение — но в более привычной латинской форме.

«Оды и баллады» (первоначально только «Оды») в период с 1822 по 1828 г. выходили четырежды, каждый раз в более полном составе. Одно из изданий (первое, куда кроме од вошли также несколько баллад), снабженное важным в теоретическом отношении предисловием-манифестом, вышло в свет в ноябре 1826 г. Тютчев был в Париже в первой половине 1827 г.⁵⁰, когда книга Гюго была еще литературной новинкой и обсуждалась в салонах и прессе (так, в газете «Глоб», внимательным читателем которой был Тютчев, 2 и 9 января 1827 г. была опубликована рецензия Сент-Бева на «Оды и баллады»⁵¹), поэтому есть все основания предполагать, что сборник еще в ту пору попал в поле зрения поэта⁵².

* * *

В предлагаемых заметках мы обращали внимание в первую очередь на текстуральные переключки Тютчева и французских авторов. О сознательной оценке русского поэтом творчества Местра, Ламенне, Сталь и Гюго говорилось меньше, хотя эта сторона, безусловно, также очень существенна. Поэтому в заключение статьи приведем еще один аргумент в пользу высказанных здесь предположений, не решающий, но немаловажный: в бумагах Тютчева сохранился перечень французских писателей XVI—XIX вв., включающий, по-видимому, имена тех авторов, которые казались ему наиболее интересными⁵³. Среди поэтов XIX в. здесь присутствует Гюго, а среди прозаиков — госпожа де Сталь, Местр и Ламенне. Два первых имени, очевидно, вошли бы в список «лучших авторов» и у любого другого «составителя», что же касается упоминания Жозефа де Местра и Ламенне, то они, как нам представляется, свидетельствуют об особом внимании, которое уделял им Тютчев.

Примечания

¹ См., например, *Пигарев К. В.* Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, с. 55 — 56; *его же.* Тютчев и проблемы внешней политики царской России. — Лит. насл. М., 1935, т. 19/21, с. 187.

² См.: Сурина Н. Тютчев и Ламартин.— В кн.: Поэтика. Вып. III. Л., 1927, с. 148—177; Пугарев К. В. Тютчев о Вольтере. В кн.: Мурановский сборник. Вып. 1. Мураново, 1928, с. 33—35; его же. Перевод Тютчева из В. Гюго.— Там же, с. 36—42.

³ Пугарев К. В. Жизнь и творчество..., с. 124—131; Strémooukhoff D. La poésie et l'idéologie de Tyoutchef. P., 1937, p. 135.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1049, оп. 1, № 5.

⁵ См. Strémooukhoff D. Op. cit., p. 113, 120.

⁶ Lane R. C. Unpublished letter of F. I. Tyutchev to Prince P. V. Kozlovsky (1824) — New Zealand Slavonic J., 1982, № 2, p. 17—24. О Козловском см. также: Френкель В. Я. Петр Борисович Козловский. Л., 1978.

⁷ «Я нашел в нем доброту, ум, познания; в политике и дипломатике разбирается он с редкою проницательностью», — писал Местр о Козловском вратителе государственной канцелярии сардинского короля шевалье де Росси 9 (21) апреля 1812 г. (Maistre J., de. Œuvres complètes. T. XII. Lyon, 1886, p. 113).

⁸ См. в ответном письме Местра Козловскому от 2 (14) февраля 1816 г.: «Никто еще не писал о России с любовью. То, что Вы предлагаете, часто приходило мне в голову. Такая книга представляла бы огромный интерес, но она не может быть написана в России» (Maistre J., de. Lettres et opuscules inédites. T. I. P., 1851, p. 354). Письма Местра о России, адресованные графу А. К. Рауумовскому, были опубликованы посмертно, в 1859 г., но еще в 1820-е годы распространялись в списках (см.: Степанов М. <Шебунин А. Н.> Жозеф де Местр в России. Лит. насл., 1937, т. 29/30, с. 618, 625; рукопись А. Н. Шебунина хранится в ОРиРК ГПБ, ф. 849, № 35—40). Записи Местра, касающиеся образа жизни русских, были опубликованы, также посмертно, И. С. Гагариным, в журнале «Etudes religieuses» (октябрь-ноябрь 1868, июль 1869; отд. изд.: Religion et moeurs des Russes, anecdotes recueillies par le comte J. de Maistre et le p. Grivel, P., 1879).

⁹ Письмо Тютчева жене от 21 августа 1851 г.

¹⁰ Письма жене от 6/18 января 1854 г. и от 26 августа 1856 г.

¹¹ Пугарев К. В. Жизнь и творчество..., с. 127.

¹² См., например, Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965, т. 1, с. 353. Стихотворения Тютчева далее цитируются по изданию: Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1980, т. 1.

¹³ Maistre J. de. Œuvres. Bruxelles, 1838, t. II, p. 115—116. Местр цитирует собственную раннюю работу «Размышления о Франции».

¹⁴ См., например, Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1980, т. 1, с. 331.

¹⁵ Maistre J. de. Œuvres, t. I, p. 29.

¹⁶ Ibid., p. 31.

¹⁷ Maistre J. de. Lettres et opuscules..., t. I, p. 110—111.

¹⁸ Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1984, т. 2, с. 14—15.

¹⁹ О том, что позднее Тютчев определенно был знаком с «Неизданными письмами», свидетельствуют цитаты из этой книги в письмах жене от 31 июля 1856 г. (Тютчев приводит здесь характеристику русского национального характера, данную Местром в письме П. Б. Козловскому от 12/24 октября 1815 г.) и от 11 сентября 1854 г.

²⁰ Законы русского языка требуют в переводе возвратного местоимения «себя», во французском же оригинале здесь стоит личное местоимение «moi», т. е. «я».

²¹ Lamennais F. de. Œuvres complètes. P., 1844, t. II, p. 6-9.

²² Dérôme L. Causeries d'un ami de livres. P., 1887, p. 384.

²³ См.: Maréchal Chr. Lamennais. La dispute sur l'Essai sur l'indifférence. P., 1959; об интересе Тютчева к прессе эпохи Реставрации см.: Пугарев К. В. Жизнь и творчество..., с. 73. Заметим, что в 1828 г., когда вышло в свет переиздание «Опыта» Ламенне, Тютчев был в Париже (см. письмо Шеллинга В. Кузену от 27 ноября 1828 г.— Aus Schellings Leben in Briefen. Lpz., 1870, B. III, S. 39).

²⁴ См.: Duine F. La Mennais. Sa vie, ses idées, ses ouvrages d'après les sources imprimées et les documents inédits. P., 1922, p. 169—170; Derré J.-R. Lamennais, ses amis et le mouvement des idées à l'époque romantique. P., 1962, p. 473—485; Strémooukhoff D. Op. cit., p. 126, note 80.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 18. Л., 1978, с. 158, 354; Никитина Ф. Г. Петрашевцы и Ламенне.— В сб.: Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 3. Л., 1978, с. 256—258. О восприятии Ламенне русскими мыслителями см. также: Печерин В. С. Замогильные записки. М., 1932, с. 17, 109; Гершензон М. О. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910, с. 143; Чижов Ф. В. Путешествие по славянским землям. Запись от 6 августа 1845 г.— В кн.: Славянский архив. М., 1958, т. 1, с. 250.

²⁶ Цит. по: Пугарев К. В. Жизнь и творчество..., с. 126 (письмо И. С. Аксакову от 7/19 мая 1871 г.).

²⁷ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Спб., 1913, с. 296 и 344. Ср. также любопытное осуждение «я» в одном из писем, вошедших в состав «Неизданных писем и произведений» Жозефа де Местра: «Я не люблю я, я не верю в я, мне наплевать на я. Жизнь, наслаждения, надежда связаны только с ты. Я уже давно записал в свою книгу афоризмов: «Единственное противоядие от эгоизма, это тылизм» (Maistre J. de. Lettres et opuscules..., t. I, p. 431—432, письмо дочери Констанции от 6 сентября 1817 г.). Упомянем также еще один важный для Тютчева образец антииндивидуалистической критики «я», принадлежащий перу французского писателя. Это 455-я (по классифи-

кации Л. Бруншвига) «мысль» Б. Паскаля: «Я достойно ненавижу <...> Если ненавидеть его за то, что оно без всяких на то оснований ставит себя в центр мира, то ненависть эта вечно будет заслуженной». О влиянии Паскаля на Жозефа де Местра см.: *Triomphe R. Joseph de Maistre. Etude sur la vie et sur la doctrine d'un matérialiste mystique.* Genève, 1968, p. 53, 124, 574; о Паскале и Тютчеве см.: *Lane R. C. Pascalian and christian existential elements in Tyutchev's letters and poems.*— *Forum modern language studies*, 1982, v. 18, № 4, p. 317—334.

²⁸ *Lamennais F. de Oeuvres complètes*, t. I, p. 9.

²⁹ *Ibid.*, p. 10.

³⁰ *Ibid.*, p. 12.

³¹ *Ibid.*, p. 14.

³² *Ibid.*, p. 15.

³³ *Ibid.*, p. 32.

³⁴ *Lamennais F. de. Oeuvres complètes*, t. II, p. 8, 19.

³⁵ *Maistre J. de. Oeuvres*, t. I, p. 62.

³⁶ *Kauchtschischwili N.* Il diario di Daria Fedorovna Ficquelmont. Milano, 1968, p. 146.

³⁷ См. запись от 18 июля 1830 г.— *Kauchtschischwili N.* *Op. cit.*, p. 137—138.

³⁸ *Décote G.* *Correspondance de J. Cazotte.* P., 1982, p. 136.

³⁹ *Nodier Ch.* *Mélanges de littérature et de critique.* P., 1820, t. 2, p. 336.

⁴⁰ *Sainte-Beuve Ch.* *Oeuvres.* P., 1956, t. I, p. 195.

⁴¹ *Пигарев К. В.* Судьба литературного наследия Ф. И. Тютчева.— *Лит. насл.*, т. 9/21, с. 418, прим. 57.

⁴² *Тютчев Ф. И.* Стихотворения. М.— Л., 1962, с. 38—39.

⁴³ *Staël G. de.* *De l'Allemagne.* P., 1886, p. 191—192.

⁴⁴ *Жуковский В. А.* *Сочинения.* М., 1980, т. 2, с. 122.

⁴⁵ Подробнее см.: *Мордовченко Н. И.* *Русская критика первой четверти XIX века.* М.— Л., 1959, с. 166—169.

⁴⁶ *Сын отечества*, 1821, ч. 68, № 9, с. 65—68.

⁴⁷ *Барсуков Н.* *Жизнь и труды М. П. Погодина.* Спб., 1888, кн. 1, с. 113.

⁴⁸ Сводку данных см. в кн.: *Жирмунский В. М.* *Гете в русской литературе.* Л., 1978, с. 162—168.

⁴⁹ *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* *Словарь латинских крылатых выражений.* М., 1982, с. 92—93.

⁵⁰ *Пигарев К. В.* *Жизнь и творчество...*, с. 56.

⁵¹ Ср. прим. 40.

⁵² Интерес Тютчева к Гюго в 1830-е годы проявился в переводе монолога дон Карлоса из «Эрнани»; см.: *Пигарев К. В.* *Перевод Тютчева из «Эрнани».*— *Мурановский сборник.* Вып. 1. Мураново, 1928, с. 36—42.

⁵³ РО ГБЛ, ф. 318, оп. 1, № 16.

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Журнал основан

в 1940 г.

Выходит 6 раз в год

Москва

том 45 № 4

июль — август • 1986

СОДЕРЖАНИЕ

Академик Михаил Борисович Храпченко	291
Емельянов Л. И. Наследие Добролюбова сегодня	293
Марчук Ю. Н. ЭВМ в лингвистической теории и практике	299
Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Вопросы изучения языка народного эпоса	304
Махлин В. Л. Наследие М. М. Бахтина в современном зарубежном литературоведении	316

Материалы и сообщения

Воркачев С. Г. Нейтральная модальность как оператор в семантике естественного языка	330
Мильчина В. А. Тютчев и французская литература (заметки к теме)	338
Осват А. Л. Из материалов для биографии Тютчева	350

Рецензии

Климов Г. А. Тематические сборники дагестанских языковедов	358
Волоцкая Э. М.—Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования	360
Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Мельников Г. П.—Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию	363
Вомперский В. П. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв.	366